

Институционализация денежного обращения: гетеродоксальный анализ

Кирдина-Чэндлер Светлана Георгиевна

Институт экономики РАН, Москва, Россия, e-mail: kirdina@inecon.ru

Цитирование: Кирдина-Чэндлер С.Г. (2023). Институционализация денежного обращения: гетеродоксальный анализ. *Terra Economicus* 21(3), 45–57. DOI: 10.18522/2073-6606-2023-21-3-45-57

Цель статьи состоит в обосновании и использовании гетеродоксального подхода к анализу институтов денежного обращения, который приложим к условиям России. Предполагается, что в России исторически доминируют институты X-матрицы и редистрибутивной X-экономики. Ортодоксальные экономические и монетарные теории разработаны, как правило, в отношении стран, где исторически доминируют институты Y-матрицы и рыночной Y-экономики. Поэтому мы предполагаем, что они имеют ограниченный характер применения в российских условиях и не только в них. Это подтверждается сопоставлением ортодоксального и гетеродоксального подходов к анализу денежного обращения. Практическая значимость разработки гетеродоксального подхода состоит в том, что он позволяет исследовать объективный характер становления институтов денежного обращения, сформированных в условиях динамики, неопределенности и необратимости экономических процессов, с одной стороны, и учитывает социальный контекст их действия, а именно укорененность в системе внеэкономических институтов, фактор доверия и их роль в воспроизводстве социальной стратификации, с другой стороны. Использование гетеродоксального подхода и теории институциональных X-Y-матриц выявили особенности институционализации денежного обращения в СССР и постсоветской России. В ходе смены исторических эпох в развитии институтов денежного обращения выделяются «переходные» и «стабилизирующие» этапы. На переходных этапах (НЭП 1920-х гг. в СССР и 1990-е гг. в России) идет активное внедрение институтов Y-матрицы, которое достигает, однако, своего критического предела. После этого начинаются стабилизирующие этапы. Их отличительной особенностью служит распространение и доминирование обновленных институтов X-матрицы. Сопоставительный анализ стабилизирующих этапов в СССР и постсоветской России позволяет сделать оптимистический прогноз относительно эффективности складывающейся в современной России системе институтов денежного обращения. Он исходит из того, что в этой сфере идет постоянный поиск институционального баланса и синтеза доминантных X-институтов и комплементарных Y-институтов, чего не было в СССР.

Ключевые слова: денежное обращение; институциональный анализ; гетеродоксальная экономика; теория институциональных X-Y-матриц; институциональный баланс; синтез; СССР; Россия

Благодарность: В основу статьи положен доклад, который обсуждался на Международном научном семинаре «Теоретическая экономика» Института экономики РАН и Новой экономической ассоциации 9 июня 2022 г. Автор благодарна его участникам за продуктивное обсуждение. Отдельная благодарность Ю.Л. Плущевской за ценные комментарии к первоначальному варианту данной статьи.

An institutional perspective on money circulation: The heterodox approach

Svetlana G. Kirdina-Chandler

Institute of Economics RAS, Moscow, Russia, e-mail: kirdina@inecon.ru

Citation: Kirdina-Chandler S.G. (2023). An institutional perspective on money circulation: The heterodox approach. *Terra Economicus* 21(3), 45–57 (in Russian). DOI: 10.18522/2073-6606-2023-21-3-45-57

The paper aims at substantiating and applying the heterodox approach to analyze institutions related to money circulation in Russia. Orthodox economics, along with orthodox monetary theories, are usually associated with countries where the institutions of Y-matrix and market Y-economy have dominated throughout history. Russia is featured by the institutions of X-matrix and redistributive X-economy. This fact makes heterodox approach applicable to Russia, as well as to some other countries, that is confirmed by a comparison between orthodox and heterodox approaches to money circulation presented in the paper. Heterodox perspective is more practically-oriented and enables the researcher to address objectively institutions related to money circulation in terms of dynamics, uncertainty, and irreversibility. A special focus is placed on the social context associated with money circulation, including the embeddedness of relevant institutions in the system of non-economic institutions, the factor of trust, and their role in social stratification reproduction. Applying the heterodox approach combined with the institutional matrices theory, we identified the features of institutions related to money circulation in the USSR and post-Soviet Russia. In both cases, two periods of money circulation institutionalization are specified, namely, “transitional” and “stabilizing” ones. Transitional periods (New Economic Policy of the 1920s in the Soviet time and the 1990s in post-Soviet Russia) were characterized by the active implementation of Y-matrix institutions which, however, reached a critical limit. After that the stabilizing periods began, featured by the spread and dominance of updated X-matrix institutions. Our findings suggest an optimistic forecast regarding the effectiveness of emergent institutions related to money circulation in modern Russia. In this area there is a constant search for institutional balance and synthesis of dominant X-institutions and complementary Y-institutions, which did not exist in the USSR.

Keywords: circulation of money; institutional analysis; heterodox economics; institutional matrices theory; institutional balance; synthesis; USSR; post-Soviet Russia

JEL codes: E42, B15, B52, E02, G20, P00

Введение

Настоящая работа продолжает исследования в области теории институциональных X- и Y-матриц (Кирдина, [2001, 2000] 2014) и ее приложений. В этой теории общество моделируется как саморазвивающаяся структура, где развитие обеспечивается в ходе постоянного взаимодействия двух институциональных (X и Y) матриц, причем одна из них доминирует¹. Каждая из них отличается своеобразием базовых экономических, политических и идеологических институтов. В частности, предполагается, что в России это институты X-матрицы (редистрибутивной экономики, унитарно-централизованного политического устройства и коммунитарной идеологии). Институты Y-матрицы (рыночной экономики, федеративно-субсидиарного политического устройства и индивидуалистской идеологии) имеют комплементарный характер, дополняя «до целого» институциональную структуру российского общества. В западных странах ситуация противоположная. Хотя пропорции институтов X- и Y-матриц меняются в ходе постоянного развития государств, доминирование одной из матриц в историческом масштабе сохраняется.

Характер доминирующей институциональной матрицы, как показывают независимые исследования, влияет на специфику многих социально-экономических процессов в государстве². Мы с коллегами

¹ Доминирование той или иной матрицы институтов во многом обусловлено особенностями и суровостью климата на территории государств (Кирдина и др., 2015).

² Например, доминирующая матрица определяет роль государства в банковской системе (Верников, 2009), особенности деятельности кооперативов (Белоновская, 2010), специфику образования пузырей на рынке недвижимости (Nowakowski, 2013) и т. д.

сконцентрировались на изучении того, как доминирующая институциональная X-матрица воздействует на денежную сферу в России, в частности на бюджетную и налоговую систему, банковскую деятельность, финансирование реального сектора и институционализацию воспроизводственных процессов. Позже началось исследование механизма денежного обращения и его институционализации в России.

Эти работы потребовали более тщательного теоретического обоснования используемых подходов, особенно на фоне многочисленных концепций и взглядов на природу денег и денежного обращения, представленных в научной литературе. Именно этой цели в основном посвящена настоящая статья.

Во-первых, здесь анализируется новое понятие «институты денежного обращения» и обосновывается его эвристичность. Во-вторых, критически рассматриваются возможности ортодоксальной экономической теории для исследования институционализации денежного обращения, особенно в X-экономике нашей страны, и не только. В-третьих, показаны особенности и перспективы гетеродоксального подхода к анализу институтов денежного обращения. В-четвертых, на основе этого подхода обобщены результаты ранее проведенных исследований, которые позволили обнаружить закономерности и особенности институционализации денежного обращения в СССР и постсоветской России.

Институты денежного обращения: к определению понятия

Репрезентация наблюдаемых явлений и процессов зависит от вопросов, которые мы ставим в своих исследованиях. Один из таких вопросов занимает меня уже много лет: есть ли разница в том, что представляют собой деньги и их обращение в странах с доминированием X-матрицы, которой является Россия, и в странах, где доминируют институты Y-матрицы?

Интересно, что именно в странах с преобладанием Y-матрицы, которые называют западными, рождаются и развиваются, дополняя и сменяя друг друга, многочисленные денежные теории. Среди них товарные, металлические, номиналистические, количественные, марксистские, кейнсианские, монетарные, функциональные, государственные, информационные, институциональные и т.д. – вряд ли можно составить их полный перечень. При всем различии этих теорий объединяет их то, что они описывают, как правило, реалии западных стран, хотя и претендуют на то, чтобы зваться теориями универсального характера. Это означает, что возможности этих теорий дать ответ на интересующий меня вопрос будут, скорее всего, ограничены. Тем не менее рефлексия по их поводу не только дает необходимые накопленные в экономической науке профессиональные знания для изучения феномена денег. Она позволяет высветить наиболее важные для нашего исследования условия становления и характеристики системы институтов в денежной сфере, а значит – сформировать необходимые понятия для развития собственного подхода.

Учитывая специфику моих многолетних исследований, не удивительно, что этот подход – институциональный. Итальянский историк и экономист Лука Фантаччи, тоже, кстати, сторонник институционального взгляда на деньги, писал: «Деньги – это способ мышления. Способность понять деньги в их исторической эволюции связана с нашей способностью восстанавливать концептуальные горизонты и дискурсы, которые... охватывали, определяли и описывали деньги» (Fantacci, 2005: 75. Цит. по Nenovsky, 2007: 4). Такая постановка вопроса подсказывает, что если способ мышления у исследователя преимущественно институциональный, то и при анализе денег наибольший интерес будут вызывать институты, посредством которых деньги функционируют в экономической системе. Такой институциональный взгляд означает также, что деньги не могут не рассматриваться как встроенный в социально-экономическую систему феномен, поскольку они не существуют «сами по себе», в отрыве от нее. Предварительно назовем предмет нашего исследования *институтами денежного обращения*³ и последовательно раскроем, что имеется в виду.

Почему мы решили ограничиться денежным обращением, а не рассуждаем о деньгах в целом или о движении денег в целом? Потому что институты (а именно они предмет исследования) формируются в реальных, т. е. динамично развивающихся обществах. Институты представляют собой найденные в ходе человеческой деятельности социальные технологии, направляя определенные процессы в условиях неопределенности, тем самым структурируя общество и его сферы. Диалектика институтов состоит в том, что, будучи, по сути, структурами, они «живут» в процессах, оформляют процессы. Поэтому для институционального исследования внимание к денежному обращению (которое представляет собой процесс) более естественно, чем к деньгам вообще. Кроме того, денежное обращение, в отличие от движения денег в целом, является более конкретным и различимым явлением. Это позволяет выйти на эмпирический

³ То же, что «институты, опосредующие денежное обращение».

анализ действующих в обществе институциональных форм, опосредующих движение денег в экономике. Поэтому в наших исследованиях, предполагающих не только теоретические изыскания, но и анализ реальных процессов, предметом исследования служат институты денежного обращения.

Что можно почерпнуть на эту тему в ортодоксальной неоклассической экономической теории в целом и в тех ее разделах, которые специально посвящены анализу денежного обращения?

Ортодоксальный мейнстрим о деньгах и денежном обращении: чего не хватает?

Уже «первая в истории экономической мысли попытка представить экономику в виде обобщенной модели, описывающей ее наиболее существенные черты и свойства»⁴ (Ананьин, 2021: 42), предполагала разведение производственной и денежной сфер, поскольку это позволило решить «фундаментальную проблему детерминизма и неопределенности» (Там же). Данное методологическое допущение стало одним из важнейших оснований ортодоксальной неоклассической теории, часто обозначаемой как мейнстрим экономической науки. Это разграничение монетарного и реального анализа, которое позже было названо Й. Шумпетером принципом «классической дихотомии» (Schumpeter, 1934), остается характерной чертой ортодоксальной неоклассической теории. Даже известные неоклассический синтез и новый неоклассический синтез не решили в полной мере эту проблему⁵. Почему?

«Сложности, которые испытывает мейнстрим при анализе денег и кредита, хорошо известны... Мейнстрим рассматривает деньги как “вуаль”» (Sawyer, 2010: 297), как «завесу, брошенную монетарной властью над истинными и “естественными” обменными отношениями» (Nanappi, 2013: 11). Поэтому в неоклассике денежная экономика и бартерная (реальная) экономика – это «разные организмы» (Ekstedt, 2014: 159), и развитие экономики здесь не связывается с деньгами и их функционированием, а определяется количеством рабочей силы, капитала и производительностью. Как пишет Фрэнк Хан, «серьезнейший вызов, связанный с анализом денег, заключается в том, что даже в наиболее проработанной модели экономики им не находится места. Такая модель – это, конечно, версия вальрасианской модели общего равновесия, предложенная Эрроу и Дебре» (Hahn, 1983: 1). Хана поддерживает Джеффри Ингем: «Деньги даже не появляются в аналитическом пространстве некоторых из наиболее престижных, математически изощренных моделей экономики, таких как модель общего равновесия Эрроу – Дебре» (Ingham, 2004: 8). Пожалуй, наиболее критично о неоклассической теории высказался Хассе Экстедт: «она совершенно упускает из виду роль денег... Возможно, именно здесь неоклассическая концепция общего равновесия нанесла наибольший ущерб» (Ekstedt, 2014: 266–267) развитию экономической науки. Он связывает это с тем, что «в равновесии деньги – избыточное понятие» (Ibid.: 261).

Становление макроэкономики на основе неоклассического синтеза после внедрения идей Дж. М. Кейнса положило начало «денежному развороту» экономической теории, поскольку в его теории «деньги имели значение», особенно в краткосрочной перспективе. Однако это мало способствовало развитию исследований, посвященных денежному обращению во взаимосвязи с развитием реальной экономики. В соответствии с принципом «классической дихотомии» эта взаимосвязь поддерживается лишь посредством установления абсолютного уровня цен, который не влияет на установление равновесия в реальном секторе экономики в долгосрочном периоде.

После неоклассического, а также последующего нового неоклассического синтеза, как отмечают критики ортодоксальной экономической теории, ей так и не удалось выйти за рамки «реального анализа» (Hein, 2008). Несмотря на то что «новый неоклассический синтез в его посткризисной реинкарнации обладает большей гибкостью и способностью к учету монетарных факторов, чем принято считать его критиками» (Остапенко, 2020: 83), он, тем не менее, сохраняет свою приверженность «реальному анализу». Это подтверждается «существованием в DSGE-моделях фундаментально равновесных, естественных макроэкономических параметров, которые задаются, с одной стороны, предпочтениями вперёдсмотрящих, максимизирующих межвременное потребление индивидов, и, с другой стороны, оптимальным технологическим и производственным выбором фирм» (Ibid.: 82). Другими словами, имеет место возвращение к формально более сложной, но по-прежнему экономически неполной версии «классической дихотомии» (Foley, 2014: 4–14).

Денежный анализ, «выведенный за скобки» в экономических теориях, представлен в неоклассике монетарными теориями, которые «вышли на авансцену» после многих лет доминирования кейнсианских идей в

⁴ О.И. Ананьин находит эту модель в трудах Ричарда Кантильона (ок. 1680–1734), оказавшего значительное влияние на дальнейшее развитие экономической теории в странах Европы, в том числе на взгляды Адама Смита.

⁵ Поэтому «классическую дихотомию» иногда называют «вечной дихотомией» неоклассики (Остапенко, 2020).

экономике и экономической политике. Сначала внимание привлекли разработки Милтона Фридмана и Чикагской экономической школы (1950–1970-е гг.). Сейчас набирает популярность современная монетарная теория (*Modern Monetary Theory, MMT*), основы которой еще в 1990-е гг. заложили Уоррен Мослер и Уильям Митчелл (Wray, 2015). Полезны ли они для решения наших задач? Ответ, скорее, отрицательный. Дело в том, что монетарные теории по своей сути – это количественные теории денег, которые исследуют объемы денежных средств (денежного предложения), необходимые для развития экономики. Институциональная структура, опосредующая денежное обращение, в них не обсуждается, а принимается «как есть»⁶.

Монетарные теории по-прежнему остаются в понятийном поле ортодоксальной неоклассики. Это справедливо и в отношении ММТ, которую в русскоязычной Википедии назвали «неортодоксальной экономической теорией». Но в англоязычном дискурсе ситуация иная. Так, критики ММТ полагают, что между нею и макроэкономическим мейнстримом нет существенной разницы⁷ (хотя классик ММТ Уильям Митчелл не согласился с этим, о чем написал в блоге на своем сайте⁸). Однако и сторонники ММТ, защищая ее от критики, также утверждают, что она «опирается на хорошо зарекомендовавшие себя теоретические рамки <мейнстрима> и по своей сути не направлена на изменение экономической системы; речь идет лишь об изменении практики разработки политики для достижения определенной общественной цели» (Tumoigne, 2021).

Так что монетарные теории, даже самые современные, продолжают опираться на микроэкономические представления об экономике взаимодействующих экономических агентов, стремящихся оптимизировать «здесь и сейчас» свои выгоды. Как отмечено в этой связи, при анализе денег в экономике «различные подходы – неоклассический, кейнсианский, монетаристский – иногда трудно разделить. Порой они более или менее дополняют друг друга, иногда подразумевают различные точки зрения, но в принципе они могут быть приведены в соответствие друг с другом при соответствующих допущениях» (Ekstedt, 2014: 159). Это обусловлено, в конечном счете, их опорой на общие методологические предпосылки (Кирдина-Чэндлер, 2021а) и общий для них корпус равновесных моделей, в которых «игнорируются ресурсные ограничения и объем рынка, что является корнем методологического индивидуализма» (Chen, 2008: 97), а также игнорируется роль институтов в организации экономических процессов. Это ограничивает возможности использования ортодоксальных экономических подходов, в том числе монетаристских, для анализа институтов денежного обращения в России.

Гетеродоксальный анализ институтов денежного обращения

Гетеродоксальная экономика, дополняя мейнстрим экономической науки, обращает внимание на исследование тех особенностей экономического развития, которые не охватываются теоретическими подходами, характерными для мейнстрима. Это справедливо и по отношению к институтам денежного обращения. Особенности их анализа на основе гетеродоксального подхода агрегированы в таблице⁹, содержание которой разъясняется ниже.

Таблица

Особенности гетеродоксального подхода к анализу институтов денежного обращения

<p>1. Становление и развитие институтов денежного обращения понимается преимущественно как <i>объективный</i> (а не субъективный) процесс:</p> <p style="text-align: center;">↓</p> <p>исследуется их роль в поддержании <i>воспроизводительной динамики</i> экономических систем в условиях <i>неопределенности и необратимости</i> экономических процессов</p>	<p>2. Институты денежного обращения рассматриваются в более широком – <i>социальном</i> (а не только экономическом) контексте:</p> <p style="text-align: center;">↓</p> <p>исследуются <i>социальная укорененность</i> денежных институтов, мера <i>общественного доверия</i> к ним и роль в воспроизводстве <i>социальной стратификации</i> общества</p>
--	---

Источник: составлено автором

⁶ Так, в ММТ основным объектом исследования являются необходимые объемы денег, определяемые величиной государственной эмиссии. Банки выступают в такой модели агентами государства, способствуя децентрализации денежной власти.

⁷ Jayadev, A., Mason, J. (2018). Mainstream macroeconomics and Modern Monetary Theory: What really divides them? September 6, 2018. <https://www.ineteconomics.org/perspectives/blog/mainstream-macroeconomics-and-modern-monetary-theory-what-really-divides-them>

⁸ William Mitchell – Modern Monetary Theory. *The divide between mainstream macro and MMT is irreconcilable – Part 1*, September 10, 2018. <https://billmitchell.org/blog/?p=40313>

⁹ Данный подход опирается на идеи представителей гетеродоксальной классической институционально-эволюционной экономики Т.Б. Веблена, Й.А. Шумпетера и Дж.Р. Коммонса (подробнее см. Кирдина-Чэндлер, 2021b: 10–11).

Итак, первая особенность гетеродоксального подхода состоит в том, что становление институтов денежного обращения рассматривается не как результат субъективных процессов, происходящих из-за непреднамеренных (К. Менгер) или преднамеренных (Ф. Хайек¹⁰) действий людей, но как **объективный**, можно сказать, «вынужденный» процесс, индуцированный самим развитием социальных, прежде всего экономических, систем¹¹. Процессы развития экономических систем характеризуются *динамическим характером, необратимостью и неопределенностью*. Это и определяет потребность становления институтов денежного обращения. Рассмотрим данный тезис подробнее.

Очевидно, что протекающие в социально-экономических системах процессы динамичны и необратимы. У них есть прошлое, настоящее и будущее. Кейнс был не первым и не последним, отмечая в этой связи, что «значение денег, по сути, вытекает из того, что они являются связующим звеном между настоящим и будущим» (Keynes, [1936] 1973: 293), деньги – это «то, чем выплачиваются долговые и ценовые контракты и в чем удерживается запас общей покупательной способности» (Keynes, 1930: 3. Цит. по: Розмаинский, 2016: 39). Они возникают в результате «кумулятивных процессов», отмеченных Кнудом Викселем еще в конце XIX в.¹² Формируясь, институты денежного обращения создают условия не только для соизмерения и тем самым установления пропорций обмена различных продуктов «здесь и сейчас», как это с подробностями описано в известных схемах, например, обмена пшеницы и железа у К. Маркса. Институты денежного обращения обеспечивают условия для необходимого накопления денежных средств, проведения расчетов, сопоставления затрат и результатов экономической деятельности в разные периоды, т. е. создают возможность «обмена текущей стоимости на будущую стоимость» (Лебедев, 2004: 70), поддерживая таким образом непрерывное возобновление этой деятельности. Институты денежного обращения являются структурами, которые общества выработали для непрерывной «передачи» этой истории, они являются необходимым оформлением системных необратимых процессов¹³.

Также для социально-экономических систем характерна неопределенность. Готтфрид фон Хаберлер указывал, например, на следующие факторы неопределенности «в порядке возрастающей “материальности”»: “психология”, т. е. волны оптимизма и пессимизма¹⁴; изменения в инвестировании, обусловленные изменениями в доходах или потреблении, как это постулировано в различных вариантах принципа акселерации ...; изобретения, нововведения и силы, вызывающие “кучность” инвестирования, связанного с нововведениями, как это описано Шумпетером; “связанность” инвестиций вследствие долговечности и неделимости капитального оборудования при одновременном наличии асимметричного действия акселератора, волн возмещения основного капитала и “отраженных действий”, которые вытекают из фактора долговечности капитальных товаров. Говоря о “кучности” и связанности капитальных вложений, мы не должны забывать о наиболее мощном внешнем факторе нашего современного мира, вызывающем интенсивную концентрацию (а отсюда и неустойчивость) инвестиций, а именно о войнах и подготовке к войне» (Хаберлер, 2016¹⁵: 415). Неопределенность в экономике тесным образом связана со становлением денежных институтов: «если бы в реальном мире не было неопределенности, то денежная система вообще не могла бы существовать!» (Ротбард, 2011: 36).

Один из вариантов «работы с неопределенностью» представлен в неоклассических экономических теориях, базирующихся на принципе методологического индивидуализма. Для них со времен

¹⁰ «деньги... не являются полностью продуктом культурной эволюции, а скорее своего рода деформированным потомством, которое пострадало из-за того, что ему пришлось пересекать слишком ограниченные <государством> каналы, и чей потенциал, таким образом, был остановлен» (Hayek, 1985: 99).

¹¹ Развитие понимается как разворачивающийся во времени процесс самоорганизации социально-экономических систем, в ходе которого формируются нормы и структуры их упорядоченного функционирования (Дерябина, 2018: 33). Герман Хакен, один из основателей синергетики, называл такие структуры «мезоскопическими переменными», а в качестве примеров приводил в том числе структурированные денежные потоки (Хакен, 2014: 65–67). Мы называем такие структуры институтами.

¹² Имеется в виду известная работа К. Вискеля *Interest and Prices*, опубликованная на немецком языке в 1898 г., на шведском – в 1906 г. и английском – в 1935 г. (Patinkin, 1952: 835).

¹³ На индивидуальном уровне обратимость возможна: легко представить ситуацию, когда предприниматель «все переиграл», отменил бухгалтерские проводки, отказался от существующих обязательств и запустил новые бизнес-процессы в другом месте без оглядки на предыдущие. Для экономических систем это невозможно. Среди конкретных причин необратимых процессов в экономике называют, например, долговечность оборудования, взаимосвязанность элементов в экономической системе, прежде всего технологий и факторов производства, а также экономию от масштаба и сетевые эффекты (Шульц, Якупова, 2005).

¹⁴ Здесь обозначено одно из интересных направлений исследований денежных институтов в контексте современной экономической теории, о котором пишет, например, Экстедт: «... универсальная модель экономики должна состоять также из психологических и социологических уравнений, а также уравнений, охватывающих мечты, идиосинкразии и предрассудки; даже мечты, идиосинкразии и предрассудки следует принимать всерьез, поскольку они выражаются в денежных потоках» (Exstedt, 2014: 263). Однако наше исследование направлено на анализ системно-материальных факторов, определяющих необходимость и специфику денежных институтов в разных странах. Разработку «психологических и социологических уравнений» мы оставляем более компетентным в этой области коллегам.

¹⁵ Книга Хаберлера, изданная на русском языке в 2016 г., впервые была опубликована им в 1937 г.

Р. Кантильона (XVIII в.) характерно введение в объяснительную схему «предпринимателей-посредников, несущих бремя неопределенности» (Ананьин, 2021: 42), т. е. принимающих на свой страх и риск необходимые хозяйственные решения. Таким образом, становится возможным объяснить «механизм уравнивания экономической системы» (Там же). Об этом же, со ссылкой на концепцию Карла Менгера, пишут белорусские исследователи А.В. Ковалев и О.С. Пенязь: «в неопределенной среде все экономические риски на себя принимает предприниматель» (Ковалев, Пенязь, 2022: 30). Обращение к фигуре предпринимателя, на которого возложено «бремя неопределенности», является необходимым шагом в основанных на принципе методологического индивидуализма экономических теориях. Без этого, как писал Роберт Лукас, «в ситуации неопределенности экономические рассуждения являются бессмысленными» (Lucas, 1981: 224. Цит. по Розмаинский, 2016: 36).

Однако при институциональном подходе с неопределенностью в экономической системе «справляются» не предприниматели, а, прежде всего, формирующиеся институты денежного обращения. Как любой институт¹⁶, они исторически формировались с целью уменьшить неопределенность совместной (в данном случае экономической) деятельности, чтобы создавать определенные ожидания по поводу будущего у ее участников¹⁷, структурируя экономические процессы. Также они обеспечивают принуждение к исполнению денежных обязательств участниками экономической деятельности (*enforcement*), особенно по отношению к будущим обязательствам¹⁸, а также контроль и гарантии их исполнения. Целям снижения экономической неопределенности служат и заложенные в институтах денежного обращения санкции, направленные на блокировку процессов, угрожающих целостности экономической системы и нормальному течению ее процессов. Среди них банкротство¹⁹, процедуры списания долгов, исключения из реестров, объявления дефолтов и т. д.

В неопределенных и неравновесных ситуациях именно институты, как полагал Карл Поланьи, являются главными организаторами экономических процессов (Polanyi, 1977). Поэтому институты денежного обращения понимаются не столько как ограничители экономического поведения (как это характерно для ортодоксальной, в том числе неоинституциональной экономической теории), но как его «направляющие», включающие каналы и правила движения денег, в соответствии с которыми в экономике организуется взаимосвязанное (*coherent*) поведение ее участников (Ekstedt, 2014: 179), поддерживающее развитие социально-экономической системы. Как и любые другие институты, они представляют собой «безличностный механизм, независимый от суждений конкретных людей, который координирует индивидуальные усилия» (Науек, 1960: 4), и по мере исторического развития «обезличенный характер... все больше выходит на первый план» (Веблен, [1898] 2006: 16). Обезличенные институты денежного обращения «обеспечивают инфраструктуру для координации» (Повтвань, 2020: 60; Ricks, 2018) действий разнородных экономических субъектов на всех уровнях социально-экономической системы.

Вторая особенность гетеродоксального подхода к анализу институтов денежного обращения состоит в рассмотрении их не только в экономическом, но в более широком **социальном** контексте. Принимается во внимание их *социальная укорененность, общественное доверие* к ним и роль для *воспроизводства социальной стратификации в обществе*. Рассмотрим эти особенности подробнее.

Социальная укорененность, или встроенность²⁰, предполагает взаимосвязь экономических институтов с более широкой системой неэкономических связей и институтов – от религиозных до политических. Ранее Поланьи предполагал, что данное явление свойственно лишь традиционным нерыночным экономикам, где экономика еще не является специфической и обособленной сферой, а встроена в более широкую систему общественных и культурных связей. Однако позже Марк Грановеттер показал, что это характерно и для рыночных экономик, основанных на обмене. В современных экономиках экономические институты также встроены в системы социальных отношений.

¹⁶ «Институты уменьшают неопределенность, структурируя повседневную жизнь» (Норт, 1997: 18); «Институциональные структуры в целом представляют собой способ управления поведением агентов, тем самым уменьшая неопределенность будущего» (Ekstedt, 2014: 183).

¹⁷ Таким образом, реализуется «принцип исторического времени, согласно которому прошлое необратимо, а будущее неопределенно» (Розмаинский, 2016: 38).

¹⁸ Схожего подхода придерживаются посткейнсианцы, например С. Руссис, Ф. Карвальо и др., которые понимают денежную экономику прежде всего как систему поддержки бесперебойного функционирования форвардных контрактов (Розмаинский, 2016: 39).

¹⁹ Банкротство – невозможность погасить обязательства (включая внутренние обязательства компании, например, по заработной плате), в отличие от дефолта, который может предшествовать банкротству и означает невозможность выплаты внешних долгов (по векселям, облигациям, банковским кредитам, чекам, закладным) точно в срок.

²⁰ Термин *embeddedness* (укорененность, встроенность) был введен экономическим историком и антропологом Карлом Поланьи (Polanyi, 1977) и затем развит экономическим социологом Марком Грановеттером (Granovetter, 1985).

Как экономические агенты «не ведут себя и не принимают решений как атомы вне социального контекста» (Granovetter, 1985: 487), так и экономические институты возникают и развиваются в системе институтов, регулирующих различные сферы общественной жизни, связаны с ними и зачастую определяются ими. Институты денежного обращения также не могут быть рационализированы только исходя из их собственной логики и в отрыве от других общественных феноменов²¹.

Одновременно при гетеродоксальном подходе очевидно, что деятельность институтов денежного обращения, как и всего, что относится к функционированию денег, тесно связана с доверием членов общества к ним²². «Надежность делает денежные инструменты средством обращения..., как и общественное признание» (Ekstedt, 2014: 256). Еще Карл Менгер отмечал, что «чем больше находится людей, готовых исполнять институт (принимать предмет в качестве денег), тем выше оказываются выгоды от его применения и тем быстрее начинает расти число его “пользователей”» (Капелюшников, 2006: 210). Поэтому при рассмотрении разных форм институционализации денежного обращения принимаются во внимание различия, которые определяются в том числе и «разной степенью и механизмами формирования доверия» (Nepovsky, 2007: 3).

Наконец, отметим связь институтов денежного обращения с воспроизводством социально-стратификационной структуры общества, т. е. со структурой социальных неравенств. Критериями социального неравенства выступают (еще со времен Т. Веблена) различия в доходах, власти, образовании и престиже²³. Институты денежного обращения значимы для каждого из этих критериев. Так, они очевидно участвуют в формировании дохода. Например, отмечается, что чем ««прибыльнее» формы денег [M0, ... MZM], тем все более сокращающимся числом агентов они используются, и этот доступ задается определенной институциональной структурой: для некоторых групп людей до сих пор лишь наличные деньги являются единственным возможным средством платежа» (Ekstedt, 2014: 256). Институты денежного обращения также являются элементом «инфраструктуры власти» (Mann, 1986), так как «работают» в пользу определенных социальных групп (зачастую элит). В этой связи сошлюсь на три толстые книги, которые произвели на меня впечатление. Это полуконспирологическая работа В.Ю. Касатонова (2013) «Капитализм. История и идеология “денежной цивилизации”» – о мировой закулисе, реализующей свою власть через систему денежных учреждений, – и еще две книги, названия которых говорят сами за себя: 720-страничный том Ч. Каломириса и С. Хабера (2017) «Непрочные по конструкции. Политические причины банковских кризисов и дефицита кредитов» и книга У.Д. Коэна (2022) «Деньги и власть. Как Goldman Sachs захватил власть в финансовом мире». В этих книгах приводятся примеры направленности институтов денежного обращения на обслуживание материальных и властных интересов некоторых влиятельных социальных групп.

Также в них хорошо показано, как институты денежного обращения закрепляют и поддерживают в обществе характерные для них «режимы неравенства» (выражение Т. Пикетти) в соответствии с принятыми идеологическими доктринами. Анализ разнообразия «политико-идеологического репертуара» экономических нарративов крупнейших стран мира по этому поводу²⁴ Пикетти представил в своем новом бестселлере «Капитал и идеология» (Piketty, 2020). Он показывает, в частности, как институты денежного обращения могут направлять денежные потоки в пользу разных групп населения. Отметим также, что система институтов денежного обращения может перенаправлять денежные потоки не только внутри общества, но и между странами (Хьюльсман, 2002: 123)²⁵.

Эти и многие другие работы, связывающие особенности системы институтов денежного обращения с действием политических и идеологических институтов, поддерживают мою гипотезу о том, что они могут отличаться в обществах с доминированием либо X-, либо Y-матрицы, несмотря на общность задач в воспроизводстве социально-экономической системы как таковой.

Опираясь на гетеродоксальный подход, определим институты денежного обращения, которые мы будем исследовать, более точно и полно: *институты денежного обращения представляют собой поддержанную обществом взаимосвязанную структуру каналов, организаций, правил и денежных*

²¹ Примерами могут служить различия в институционализации денежного обращения в странах с суверенной и несуверенной денежными системами.

²² «Деньги могут работать только в том случае, если они приняты обществом» (Ekstedt, 2014: 268), или «деньги являются деньгами просто потому, что каждый и все остальные верят в то, что это деньги» (Iwai, 2009: 24).

²³ www.вокабула.рф/энциклопедии/социологическая-энциклопедия/социальная-стратификация

²⁴ Колесников А. (2021). *Капитал и идеология: Тома Пикетти*. 2 марта. <https://smart-lab.ru/blog/680807.php>

²⁵ Известным примером является объявление доллара мировой валютой и появление основанной на нем системы международных расчетов.

инструментов; ее функционал²⁶ состоит в том, чтобы обеспечивать необходимые объемы и движение денег для расширенного воспроизводства социально-экономической системы с целью обеспечения ее суверенности и сохранения экономико-политико-идеологической целостности в условиях неопределенности и внешних вызовов.

Институты денежного обращения в СССР и постсоветской России

На основе представленного гетеродоксального подхода и положений теории институциональных X-Y-матриц обобщим результаты проведенного ранее сопоставительного исследования институтов денежного обращения в СССР и современной России²⁷. Каждый из этих периодов означал новую эпоху в отечественной истории. Поэтому сопоставление хода институционализации денежного обращения в эти времена позволяет выделить как закономерности, так и особенности изучаемого процесса.

И та, и другая эпоха начинались в условиях разбалансировки институтов денежного обращения, которые не выполняли своего функционала, а именно не обеспечивали объемов и движения денег, необходимых для расширенного воспроизводства социально-экономической системы. Соответственно, эти институты требовали обновления. Исследование показало, что и в СССР, и в постсоветской России становление необходимых институтов проходило через одни и те же этапы, что можно считать закономерностью. Мы назвали эти этапы «переходными» и «стабилизирующими». Они отличаются своим институциональным содержанием.

Сначала на переходном этапе идет активный «перебор» различных институтов денежного обращения – преимущественно заимствуемых из практики «передовых» западных стран, – которые внедряются в экономическую жизнь обновляемого общества. В СССР переходный этап пришелся на времена НЭПа – 1920-е гг., а в постсоветской России – на 1990-е гг. В это время наблюдался рост числа и мощности частных коммерческих банков, в том числе с привлечением иностранного капитала, изменялось соотношение между частным и государственным банковским сектором в пользу первого, получали распространение концессии и системы коммерческого кредита на всех уровнях и т. д. Общность внедряемых новаций состояла в том, что они представляли собой, как правило, институты рыночной экономики²⁸ Y-матрицы, которые в российской истории обычно были не основными, но комплементарными. В ходе их массового внедрения одновременно происходила отбраковка, фильтрация и коррекция институтов денежного обращения с точки зрения того, обеспечивают ли они необходимый функционал.

Со временем насыщение сферы денежного обращения заимствованными институтами достигало своего критического предела, и переходный этап заканчивался. Причины «сворачивания» (официально декларируемые или нет) таких активных рыночных преобразований оказались схожими. Важнейшими из них, помимо неблагоприятных социальных последствий, были, во-первых, неспособность формируемой системы институтов денежного обращения обеспечить необходимые каналы и объемы инвестиций для модернизации и социально-экономического развития страны, и, во-вторых, возрастающие угрозы потери суверенности страны, прежде всего в экономической и финансовой сферах²⁹.

После переходных этапов начинаются этапы восстановления и развертывания институтов, характерных для редистрибутивной X-экономики. Это не было «движением назад», так как эти институты приобретали обновленные формы, встраиваясь в меняющуюся (в соответствии с вызовами времени) экономическую структуру. Мы назвали эти этапы «стабилизирующими». Во-первых, происходила стабилизация системы денежного обращения, которая получала свое характерное институциональное оформление. Во-вторых, обновленная система институтов денежного обращения более стабильно выполняла свой основной функционал, и это способствовало закреплению ее институционального дизайна.

Каковы наиболее существенные особенности стабилизирующих этапов? Их отличает укрепление роли государства в банковской системе и централизация системы денежных институтов, уменьшение доли независимых частных коммерческих банков по сравнению с теми, что контролируются государ-

²⁶ В данном контексте функционал означает функциональность, совокупность взаимосвязанных функций.

²⁷ Детали проведенного исследования, включая отсылку к специализированной литературе, анализ документов, статистические сопоставления, кейсы и описание систем институтов денежного обращения представлены в (Кирдина-Чэндлер, 2021b).

²⁸ Точнее было бы сказать «институциональные формы, соответствующие институтам...», но для краткости будем писать «институты». О соотношении понятий «институты» и «институциональные формы» см. (Кирдина, 2014: 51–59).

²⁹ Маркерами этой ситуации в годы НЭПа стали невозможность обеспечения необходимой индустриализации страны, рост безработицы среди городского населения и торговый дисбаланс между городом и деревней. В современной России таким маркером стал экономический кризис 1998 г., который сопровождался девальвацией национальной валюты и техническим дефолтом по исполнению государственных обязательств.

ством (в СССР она уменьшилась практически до нуля). Активизируется оформление государственных институтов денежного обращения для обеспечения расширенного воспроизводства экономики: в СССР это выражалось в институционально-организационном обособлении сферы капитальных вложений через использование так называемых «безналичных рублей» и систему спецбанков; в современной России речь идет о спонсируемых государством «институтах развития», открытии специальных счетов предприятий в Казначействе РФ³⁰ для участия в реализации государственных программ и т. д. Характерной чертой стабилизирующих этапов является также глубокое встраивание институтов денежного обращения в систему важнейших экономических и политических институтов страны. Если на переходных этапах институты денежного обращения носили, можно сказать, «отвязанный характер» и «работали» не столько на страну, сколько на интересы отдельных групп, то на этапах стабилизации они все больше становились имманентным звеном социально-экономического устройства в целом. Так, в СССР институты денежного обращения были, по сути, внутренним элементом системы планового народного хозяйства: «безналичная эмиссия Государственного банка (кредитный план страны) базировалась на показателях народнохозяйственного плана и бюджета государства, а наличная эмиссия – на планах по росту производительности труда и розничному товарообороту» (Денежное обращение в СССР, 2011: 19). В современной России процесс все большего встраивания институтов денежного обращения в систему важнейших социальных и экономических институтов происходит на наших глазах. На очередном заседании Совета по стратегическому развитию и национальным проектам 22 августа 2023 г. под руководством президента РФ обсуждались вопросы дальнейшего углубления координации правительства и Центробанка с привлечением обеих палат Федерального собрания в сфере денежного обращения для цели «активнее использовать имеющиеся инструменты, донстраивать их с учетом объективной ситуации»³¹.

Помимо общности, отметим и институциональные различия стабилизирующих этапов в СССР и современной России. В советский период в системе институтов денежного обращения стали тотально доминировать институты X-матрицы. Внедрение необходимых комплементарных институтов Y-матрицы началось в СССР, пожалуй, слишком поздно – в 1988–1991 гг., т. е. фактически накануне его распада (Кирдина-Чэндлер, 2021b: 15–16). В современной России стабилизирующий период продолжается уже более 25 лет. Его особенностью является то, что все это время идет постоянный поиск институционального баланса и синтеза доминантных X-институтов и комплементарных Y-институтов в системе денежного обращения, чего не было в СССР.

Выявленное различие институционального дизайна моделей денежного обращения в СССР и современной России позволяет сделать оптимистические выводы. В соответствии с положениями теории институциональных X-Y-матриц, которые нашли подтверждение в эмпирических исследованиях, тотальное доминирование тех или иных институциональных форм в экономической структуре государства ведет к ее стагнации и появлению необходимых комплементарных форм в теневой сфере. Это, в свою очередь, ведет к разбалансировке основных экономических пропорций (что показал, например, опыт СССР). Поэтому так важна нынешняя представленность X- и Y-институтов в системе денежного обращения в современной России. Это позволяет сделать осторожный позитивный прогноз относительно способности этой системы и в дальнейшем обеспечивать необходимый для развития нашей страны функционал.

Подытоживая, можно констатировать, что в сочетании с теорией институциональных X-Y-матриц гетеродоксальный подход к анализу институтов, обеспечивающих денежное обращение, является достаточно перспективным. Исследования в этом направлении будут продолжены.

Заключение

Страны мира продолжают поиски эффективных инструментов создания, использования и обращения денег для обеспечения устойчивого роста экономики и поддержания благосостояния населения. Институты, обеспечивающие денежное обращение, становятся важнейшей сферой современной социально-экономической политики, которая в XXI в. должна строиться «на принципе “правильных институтов”» (Коландер, 2000: 390). Отрыв денежного обращения от процессов, происходящих в реальной экономике (финансализация), приводит к разбалансировке национальных

³⁰ Если предприятие не имеет счета в казначействе, оно не может быть получателем бюджетных средств. Создание «казначейских счетов» означает, таким образом, организацию специализированного канала направления покупательной способности денег (о которой писал Шумпетер) на общественные нужды.

³¹ <http://kremlin.ru/events/president/news/72084/videos>

экономик и мирового хозяйства. Одной из причин являются «неправильные» институты, которые внедряются в сферу денежного обращения без учета присущей странам специфики.

Гетеродоксальный подход позволяет исследовать особенности институтов денежного обращения в разных странах и в разные эпохи. Мы провели сравнение институционализации денежного обращения в России на протяжении более ста лет ее истории, которая включает советский и современный периоды. Результаты показали, что, несмотря на историческое и видовое разнообразие каналов, организаций и правил для обеспечения движения денег, а также денежных инструментов, можно выделить два взаимосвязанных типа институциональных структур, регулирующих денежное обращение «по законам» X- или Y-институциональной матрицы. Эффективность институционального дизайна денежного обращения предполагает комбинирование элементов обеих матриц. В современной России эта непростая задача успешно решается.

Литература / References

- Ананьин О.И. (2021). *Генезис экономической науки: историко-научный контекст*: Доклад. М.: Институт экономики РАН. [Ananyin, O. (2021). *The genesis of economic science contextualised in the history of science*. Report. Moscow: Institute of Economics RAS Publ. (in Russian)].
- Белоновская А.М. (2010). Оценка значимости кооперативов (артелей) в современной хозяйственной практике. *Экономический журнал* (2), 91–97. [Belonovskaya, A. (2010). Assessment of the importance of cooperatives (artels) in modern economic practice. *Economic Journal* (2), 91–97 (in Russian)].
- Веблен Т. ([1898] 2006). Почему экономическая наука не является эволюционной дисциплиной. В кн.: *Истоки. Из опыта изучения экономики как структуры и процесса*. М.: ГУ – ВШЭ, с. 10–32. [Veblen, T. ([1898] 2006). Why economics is not an evolutionary discipline. In: *Origins. From the Experience of Studying Economics as a Structure and a Process*. Moscow: HSE Publishing House, pp. 10–32 (in Russian)].
- Верников А.В. (2009). Доля государственного участия в банковской системе России. *Деньги и кредит* (11), 4–14. [Vernikov, A. (2009). Share of state participation in the Russian banking system. *Money and Credit* (11), 4–14 (in Russian)].
- Говтвань О.Д. (2020). Подход к формированию альтернативной теории денег. *Экономика. Налоги. Право* 13(5), 54–61. [Govtvan, O. (2020). An approach to the formation of an alternative theory of money. *Ekonomika, Nalogi. Pravo* 13(5), 54–61 (in Russian)]. DOI: 10.26794/1999-849X-2020-13-5-54-61
- Денежное обращение в СССР в 1986–1991 годах (ведомственные материалы)* (2011). По страницам архивных фондов Центрального банка Российской Федерации. Вып. 12. М.: Центральный банк Российской Федерации, с. 1–120. [*Money circulation in the USSR in 1986–1991* (2011). Through the pages of the archival funds of the Central Bank of the Russian Federation. Issue 12. Moscow: Central Bank of Russia Publ. (in Russian)].
- Дерябина М.А. (2018). Методологические основания исследования мезоуровня экономики как сложной системы. *Journal of Institutional Studies* 10(3), 30–39. [Deryabina, M. (2018). Methodological foundations of mesoeconomics as a complex system. *Journal of Institutional Studies* 10(3), 30–39 (in Russian)]. DOI: 10.17835/2076-6297.2018.10.3.030-039
- Каломирис Ч., Хабер С. (2017). *Непрочные по конструкции. Политические причины банковских кризисов и дефицита кредитов*. М.: Институт Гайдара. [Calomiris, C., Haber, S. (2017). *Fragile by Design: The Political Origins of Banking Crises and Scarce Credit*. Moscow: Gaidar Institute Publishing House. (in Russian)].
- Капелюшников Р. (2006). QWERTY против DSK: методологические заметки на полях дискуссии. В кн.: *Истоки. Из опыта изучения экономики как структуры и процесса*. М.: ГУ – ВШЭ, с. 208–227. [Kapelyushnikov, R. (2006). QWERTY versus DSK: methodological notes in the margins of the discussion. In: *Origins. From the Experience of Studying Economics as a Structure and a Process*. Moscow: HSE Publishing House, pp. 208–227 (in Russian)].
- Касатонов В.Ю. (2013). *Капитализм. История и идеология «денежной цивилизации»*. М.: Институт русской цивилизации. [Kasatonov, V. (2013). *Capitalism. History and Ideology of “Monetary Civilization”*. Moscow: Institut russkoy tsivilizatsii Publ. (in Russian)].
- Кирдина С.Г. ([2001, 2000] 2014) *Институциональные матрицы и развитие России. Введение в X-Y-теорию*. М., СПб.: Нестор-История. [Kirdina, S. ([2001, 2000] 2014). *The Institutional Matrices and the Development of Russia. Introduction to X-Y-theory*. Moscow, St. Petersburg: Nestor-Istoria Publ. (in Russian)].

- Кирдина С.Г., Кузнецова А.В., Сенько О.В. (2015). Климат и институциональные матрицы: межстрановой анализ. *Социологические исследования* (9), 3–13. [Kirdina, S., Kuznetsova, A., Senko, O. (2015). Climate and institutional matrices: cross-country analysis. *Sotsiologicheskie Issledovaniia* (9), 3–13 (in Russian)].
- Кирдина-Чэндлер С.Г. (2021a). Парадоксы синтеза в экономической теории. *Terra Economicus* **19**(3), 37–52. [Kirdina-Chandler, S. (2021a). Paradoxes of synthesis in economics. *Terra Economicus* **19**(3), 37–52 (in Russian)]. DOI: 10.18522/2073-6606-2021-19-3-37-52
- Кирдина-Чэндлер С.Г. (2021b). Новая «старая» институционализация денежного обращения в постсоветской России. *Journal of Institutional Studies* **13**(4), 6–24. [Kirdina-Chandler, S. (2021). New “old” institutionalisation of money circulation in post-Soviet Russia. *Journal of Institutional Studies* **13**(4), 6–24 (in Russian)]. DOI: 10.17835/2076-6297.2021.13.4.006-024
- Ковалев А.В., Пенязь О.С. (2022). Эффект сопряжения институтов в концепции Карла Менгера. *Terra Economicus* **20**(1), 27–37. [Kavaliou, A., Peniaz, O. (2022). Mutual influence of institutions in the concept of Carl Menger. *Terra Economicus* **20**(1), 27–37 (in Russian)]. DOI: 10.18522/2073-6606-2022-20-1-27-37
- Коландер Д. (2000). Экономическая наука нового тысячелетия: как она нашла свой путь и каков он? В кн.: *Истоки. Из опыта изучения экономики как структуры и процесса*. М.: ГУ – ВШЭ, с. 381–399. [Colander, D. (2000). Economics for the new millennium: How has it found its way and what is it? In: *Origins. From the Experience of Studying Economics as a Structure and a Process*. Moscow: HSE Publishing House, pp. 10–32 (in Russian)].
- Козн У.Д. (2022). Деньги и власть. Как Goldman Sachs захватил власть в финансовом мире. М.: Альпина PRO. [Cohan, W. (2022). *Money and Power: How Goldman Sachs Came to Rule the World*. Moscow: Alpina PRO Publ. (in Russian)].
- Лебедев А.В. (2004). Финансовые инновации как фактор возможной дестабилизации экономики: теория Хаймана Мински. *Финансы: теория и практика* (4), 68–78 [Lebedev, A. (2004). Financial innovation as a potential economic destabilizer: Hyman Minsk’s theory. *Finance: Theory and Practice* (4), 68–78 (in Russian)].
- Норт Д. (1997). *Институты, институциональные изменения и функционирование экономики*. М.: Начала. [North, D. (1997). *Institution, Institutional Change and Economic Performance*. Moscow: Nachala Publ. (in Russian)].
- Остапенко В. (2020). Монетарный и реальный анализ в макроэкономической теории: вечная дихотомия? *IV Российский экономический конгресс «РЭК-2020»*. Т. II, с. 80–83. М.: НЭА, ИЭ РАН, ЭФ МГУ им. М.В. Ломоносова. [Ostapenko, V. (2020). Monetary and real analysis in macroeconomic theory: An eternal dichotomy? *IV Russian Economic Congress “REC-2020”*. Vol. II, pp. 80–83. Moscow: New Economic Association, IE RAS, Economic Faculty of Lomonosov Moscow State University (in Russian)].
- Розмаинский И.В. (2016). Посткейнсианцы и Дуглас Норт о неопределенности и институтах: пропущенная связь? *Journal of Institutional Studies* **8**(3), 35–59. [Rozmainy, I. (2016). The Post Keynesians and Douglas North about uncertainty and institutions: the missing link? *Journal of Institutional Studies* **8**(3), 35–59 (in Russian)]. DOI: 10.17835/2076-6297.2016.8.3.035-059
- Ротбард М. (2003). *Государство и деньги: Как государство завладело денежной системой общества*. Челябинск: Социум. [Rothbard, M. (2003). *What Has Government Done to Our Money*. Chelyabinsk: Sotsium Publ. (in Russian)].
- Хаберлер Г. (2016). *Процветание и депрессия. Теоретический анализ циклических колебаний*. Челябинск: Социум. [Haberler, G. (2016). *Prosperity and Depression. Theoretical Analysis of Cyclic Fluctuations*. Chelyabinsk: Sotsium Publ. (in Russian)].
- Хакен Г. (2014). *Информация и самоорганизация: макроскопический подход к сложным системам*. М.: URSS; Ленанд. [Haken, H. (2014). *Information and Self-Organization. A Macroscopic Approach to Complex Systems*. Moscow: URSS; Lenand Publ. (in Russian)].
- Хюльсман Г. (2003). Евро: новая песня на старый лад. Об эволюции денежной системы после выхода книги М. Ротбарда. В кн.: Ротбард М. *Государство и деньги: Как государство завладело денежной системой общества*. Челябинск: Социум, с. 119–163. [Hülsmann, J. (2003). Euro: a new song in the old way. On the evolution of the monetary system after the release of the book of M. Rothbard. In: Rothbard, M. *What Has Government Done to Our Money*. Chelyabinsk: Sotsium Publ., pp. 119–163 (in Russian)].

- Шульц Д.Н., Якупова И.Н. (2015). Необратимые процессы в экономике. *Экономика и предпринимательство* **60**(7), 346–349. [Shults, D., Yakupova, I. (2015). Irreversible processes in economy. *Journal of Economy and Entrepreneurship* **60**(7), 346–349 (in Russian)].
- Chen, P. (2008). Equilibrium illusion, economic complexity and evolutionary foundation in economic analysis. *Evolutionary and Institutional Economic Review* **5**, 81–127. DOI: 10.14441/eier.5.81
- Ekstedt, H. (2014). *Money in Economic Theory*. New York: Routledge.
- Fantacci, L. (2005). *La Moneta: Storia Di Un'istituzione Mancata*. Venezia: Biblioteca Marsilio.
- Foley, D. (2014). Varieties of Keynesianism. *International Journal of Political Economy* **43**(1), 4–19. DOI: 10.2753/IJP0891-1916430101
- Granovetter, M. (1985). Economic action and social structure: The problem of embeddedness. *American Journal of Sociology* **91**(3), 481–510. DOI: 10.1086/228311
- Hahn, F. (1983). *Money and Inflation*. Cambridge, Massachusetts: MIT Press.
- Hanappi, H. (2013). *Money, Credit, Capital and the State. On the Evolution of Money and Institutions*. MPRA Paper № 47166 MPRA ub.uni-muenchen.de/47166/ [24.01.2019].
- Hayek, F. (1960). *The Constitution of Liberty*. London: Routledge.
- Hayek, F. (1985). The future monetary unit of value. In: Siegel, B. and L. Yeager (eds.) *Money in Crisis: Federal Reserve, the Economy, and Monetary Reform*. Cambridge, Massachusetts: Ballinger Publishing Company.
- Hein, E. (2008). *Money, Distribution Conflict and Capital Accumulation: Contributions to Monetary Analysis*. Basingstoke and New York: Palgrave Macmillan.
- Ingham, G. (2004). *The Nature of Money*. Cambridge, UK: Polity Press.
- Iwai, K. (2009). *The Second End of Laissez-Faire: Bootstrapping Nature of Money and Inherent Instability of Capitalism*. Faculty of Economics, University of Tokyo. Paper presented at the Interdisciplinary Workshop on Money, Berlin Free University, 25–28 June 2009.
- Keynes, J. ([1936] 1973). *The General Theory of Employment, Interest, and Money*. Cambridge: Macmillan, Cambridge University Press.
- Keynes, J. (1930). *A Treatise on Money*. London: Macmillan.
- Lucas, R. (1981). *Studies in Business Cycle Theory*. Cambridge, MA: MIT Press.
- Mann, M. (1986). *The Sources of Social Power*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Nenovsky, N. (2007). *Money as a missing institution. Prompted by Luca Fantacci's Book on Money as a Missing Institution (Fantacci, L. (2005), La moneta: Storia di un'istituzione mancata, Biblioteca Marsilio, Venezia, 276 pp.)*. https://www.academia.edu/59257561/On_Money_as_an_Institution_Prompted_by_Luca_Fantaccis_Book_on_Money_as_a_Missing_Institution_Fantacci_L_2005_La_moneta_Storia_di_unistituzione_mancata_Biblioteca_Marsilio_Venezia_276_pp_
- North, D. (1990). *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Nowakowski, K. (2013) The institutional matrices theory as the basis of explanation of real estate bubble. *Managerial Economics* **14**, 113–135. DOI: 10.7494/manage.2013.14.113
- Patinkin, D. (1952). Wicksell's "Cumulative process". *The Economic Journal* **62** (248), 835–847. DOI: 10.2307/2226529
- Piketty, T. (2020). *Capital and Ideology*. Cambridge MA: The Belknap Press of Harvard University Press.
- Polanyi, K. (1977). *The Livelihood of Man*. New York: Academic Press, Inc.
- Ricks, M. (2018). Money as infrastructure. *Columbia Business Law Review* **18**(3), 757–851. DOI: 10.7916/cblr.v2018i3.1707
- Sawyer, M. (2010). Crises and paradigms in macroeconomics. *European Journal of Economics and Economic Policies: Intervention* **7**(2), 283–302.
- Schumpeter, J. (1934). *The Theory of Economic Development: An Inquiry into Profits, Capital, Credit, Interest, and the Business Cycle*. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press.
- Tymoigne, E. (2021). *Seven replies to the critiques of Modern Money Theory*. Working Paper № 996. Levy Institute and Lewis & Clark College. https://www.levyinstitute.org/pubs/wp_996.pdf
- Wray, L. (2015). *Modern Money Theory: A Primer on Macroeconomics for Sovereign Monetary Systems*. Springer.